

К Р О К О Д И Л

3-391/39

К 556 / 39г

ПРИВЕТ XVIII С'ЕЗДУ ВКП(б)!

ПРИВІТ XVIII З'ІЗДОВІ ВКП(б)!

ПРЫВІТАННЕ XVIII З'ЕЗДУ ВКП(б)!

სალამი საბ.კ.პ(ბ) XVIII ყრილობას!

УІҚ(б)Р XVIII ҚУРУЛТАЈЫНА САЛАМ!

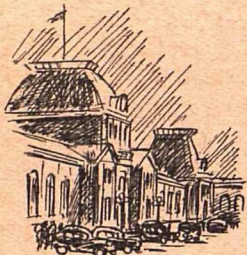
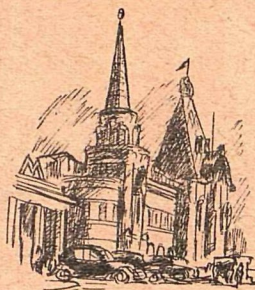
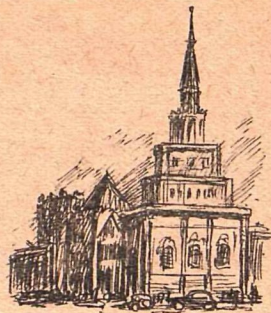
ВК(б)Р XVIII ҚУРУЛТАЈЫНА
САЛАМ!

ՎՈՂԶՈՒՅՆ

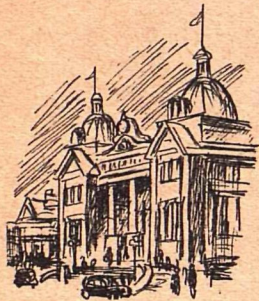
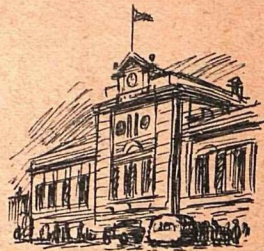

Рис. Б. Пророкова

ОБЩИЙ ЯЗЫК

Добро пожаловать!

Все те же красные, зеленые огни,
И паровозы дышат так же зычно,
Московские вокзалы... Как они
Похожи! Как они различны!
И вот сейчас на свой партийный с'езд
С вокзалов этих едут делегаты,
Везут из самых отдаленных мест
То, чем они живут и чем богаты.
С перрона делегат идет...
Портфель его обычного не шире.
Кто знает, что подмышкою несет
Он гидроузел, самый мощный в мире?
Вот с Курского идут большевики,
И хоть у каждого в кармане по Монблану,
По Эльбрусу украинской муки,
Не горбятся, хотя не великаны!
А кто там южным солнцем обожжен
И сам, как солнце,— и горяч и ярок?
С ним Крым прислал здоровья сотни тонн
И два вагона лучшего загара.
С Казанского везет седой Урал
Свои подарки. Тут за чудом чудо:
Любой металл! И всякий минерал!
Вот платина, вот медь, вот изумруды!
Беседуют в сторонке два Баку:
— Ну, как дела? Как вышки? — Дел

хватает!
— Вскочил опять фонтанчик на боку...
— Буры возьмите. Очень помогает.
Казах, туркмен, таджик, башкир, узбек
На с'езд везут и оперы и хлопок.
Вот делегат. Не рослый человек,
Но он от области, что ростом с пол-Европы!
На Северном — веселый разговор.
Тут на военного народ gazeет:
Зубов японских, битых лбов набор
Привез он из Приморья для музея.

Чего по Северной дороге не везут!
Что большевистских дел быть может шире?
Где рысь лишь бегала, там вышки пьют
мазут!

Грузовики рождаются в Сибири!
На Белорусском серебристый клен
Расцвел, раскинулся и пышет ароматом.
И, как колхозниц косы, золот лен,
Как солнце, золотом окрасившее хаты.
И лица гордостью, отвагою цветут:
— Привет, Москва, от дому и от хаты!
И песни по Москве широкие плывут:
— Бувайте здоровы! Живите богато!
И с Киевского — нежных песен лад:
То Украины дивные напевы.
Как этот край прекрасен и богат,
Как колосится он от сталинского сева!
Здесь угля Гималаи залегли,
И сторожами радостной земли
Стальных орлов летают вереницы.
Чтобы от зависти фашистам удавиться!
На Паведецком — угольный Донбасс.
Здесь те, что новые пути рубили!
Бушует здесь сердце «подземный газ».
— Стахановские темпы прикатили!
Вокзал Октябрьский. Из его ворот
На площадей гранитные просторы
Бушлаты хлынули. И кажется, плывет
Вокзал стальной громадиной линкора.
И в Кремль с вокзала каждого спешат
С портфелями, что полны дел и планов:
В том упакованы миллионы киловатт,
Там виден полюса кусочек из кармана,
Там море новое шумит волной,
Там шелест выросших в пустыне веток,
Там побежденный холод, зной ручной,
Там поступь сталинских великих пятилеток!

Весна

ПОРА, дедушка, на отдых! Вы неплохо погостили в Москве. Вас всюду с радостью принимали: в лучших домах столицы, в самых красивых клубах. Ваше имя вписано в сотни стихов, напечатанных и забракованных. «Старикам везде у нас почет...»

Но не забудьте, дедушка, о том, что «молодым везде у нас дорога». Не будем же мешать молодым кадрам расти и цвести. До новых встреч, дедушка Мороз! Добро пожаловать, красавица Весна!

А старик неохотно покидает столицу. Утренней зарею он, как воевода, продолжает дозором обходить владенья свои, сея на улицах и переулках изморозь и стужу. Он все еще пытается украсить лицо города холодной снежной пудрой. Напрасный труд!

Вешнее солнце вступило в битву за свои права. Его лучи уверенно шагают по крышам домов, по крышам гигантов союзного значения и мелких предприятий местной промышленности. И даже Бюро погоды на сей раз ошибиться не сможет: весна идет!

Весна идет! Мы слышим ее в шуме тракторов на южных полях, в песнях колхозных пахарей Украины, Кубани, Узбекистана.

Весна идет! Мы слышим ее в докладах и речах на партийных конференциях, в горячем обсуждении тезисов докладов на XVIII с'езде большевиков.

В эти предвесенние дни перед очами советского человека встает наша родина в своем новом величии, раскрываются широкие дороги страны, идущей от социализма к коммунизму.

Мы видим замечательных людей на строительных лесах новых заводов, на стройке городов, дорог, шахт, вышек. «Станция «Второе Баку»! Поезд стоит двенадцать минут!» — весело выкрикивает молодая кондукторша с голубыми, как волжские воды, глазами и с комсомольским значком на форменной тужурке. В бухте Провидения на Северном морском пути висит плакат: «На вокзале в буфете имеются пиво, раки, свежие огурцы, помидоры».

Все это так и будет. Возможны варианты. Допустим, раков в арктическом буфете не окажется. Можете требовать у буфетчика жалобную книгу и излить там свое негодование по этому поводу.

Дело не в раках, а в наших мечтах, которые усвоили себе привычку

о существовать. Мы крепко любим помечтать. Но какая, даже самая сильная наша мечта не стала действительностью? Наши тезисы, резолюции, планы, чертежи, макеты наполняются живой, многозвучной жизнью. Вот это и называется: сталинские пятилетки!

Наши планы не любят долго задерживаться на бумаге. Это свойство большевистских планов хорошо известно нашим врагам. Они в каждом нашем тезисе, в каждой тракторной детали, в каждом автомобильном колесе, в каждом пучке хлопка, в каждой картофелине видят агитацию против капитализма. Когда в прошлую весну в пограничном белорусском колхозе вышли трактора на поля, в соседнем зарубежном селе заметалась полиция во главе с жирным паном-сержантом: загоняли крестьян в избы, чтобы они не смотрели на советский трактор, чтобы они не слушали наших веселых песен. И в ту же ночь вблизи этого поля в густом кустарнике пограничный наряд поймал шпиона-диверсанта...

Но ничего не поделаешь с ней, с большевистской весной: она идет, она наступает. Она наступает на мозоль неумным соседям. Она давит их разношерстных псов, кое-где притаившихся на нашей земле. Она несет радость советскому народу и его друзьям.

Со всех концов страны большевики с'езжаются в Москву на свой весенний с'езд. В погожий мартовский день через большие окна Кремлевского дворца ворвутся солнечные лучи, озарив мраморный бюст того человека, которого ничего не понявший Уэллс назвал «кремлевским мечтателем». На родине «кремлевского мечтателя» горят страстные весенние звезды. До весенних лил звезд безработным на родине знаменитого автора фантастических романов?

В погожий мартовский день на трибуну с'езда взойдет докладчик по первому пункту повестки дня. Мы знаем: трудно будет докладчику начать свою речь. Напрасно председатель нажимает кнопку звонка. Кажется, что этой шумной, горячей овации нет конца. Любовь, радость, счастье, восторг — все эти великие чувства бурным весенним половодьем несутся к трибуне...

Так начинается весна 1939 года. Горячий привет нашей прекрасной весне!

Г. РЫКЛИН

«ВТОРОЕ БАКУ»

Рис. Л. Генча

— Досадно все-таки, что мы „второе“!
— Ничего. Дай срок. Оба будем первыми.

Откровенные высказывания

В СВЯЗИ с опубликованием тезисов докладов товарища Молотова и товарища Жданова нашему сотруднику удалось побеседовать с тремя гражданами: Стойкиным, Сойкиной и Совакиным. Эти высказывания мы приводим полностью, сохранив интонации, междометия, запятые и даже то обстоятельство, что гражданка Сойкина не выговаривает букву «р».

— Тезисы я приветствую,— сказал нам гражданин Стойкин.— Конечно, я со всем согласен, но кое-что мне кажется, если так можно выразиться, преждевременным. То есть не совсем преждевременным, но... Возможно, я ошибаюсь, вы меня тогда поправьте. Но, по-моему, если говорить со всей откровенностью, немножко рановато устанавливать для служащих однодичный кандидатский стаж. Все мы интеллигенты, и надо прямо сказать, нас еще надо тереть и тереть песочком, кирпичиком и сквозь ситечко. А так, что ж, собственно, получается? Не думайте обвинять меня в махаевщине. Я вам заранее скажу, что я в глаза не видел Махаева, никогда о нем ничего не слышал, хоть я уже пять лет состою в кандидатах... Вы понимаете, обидно. Вот я вступал в кандидаты — сколько трудов было потрачено! Пять рекомендаций с десятилетним стажем! Шутка ли сказать! А теперь что? Завтра же мой сослуживец может сравниться со мной. И больше того скажу, его через год могут перевести в члены партии, а я все еще в кандидатах. Вы, пожалуйста, не подумайте, что у меня есть какие-нибудь разногласия. Я привык говорить откровенно то, что я думаю. А то я, как вспомню, что Машкин, сосед мой по квартире, — глубоко беспартийный товарищ,

правда, его недавно наградили, бог с ним, пускай, не жалко. Но когда я подумаю, что он завтра же может сравниться со мной, то есть стать таким же кандидатом партии, как и я, знаете, как хотите, это как-то странно. Возможно, я ошибаюсь; если я неправ, вы меня поправьте. И я вообще не настаиваю. И, пожалуйста, не подумайте, что я хоть с чем-нибудь несогласен. А то, что я вам сказал, это так, между прочим... Но, знаете, как-то обидно.

* * *

А вот высказывания гражданки Сойкиной:
— Певквасно! Бесподбно! Мне Сема читал, и я все абсолютно поняла. Тепевь нам нужно ваботать, ваботать, ваботать. И подумать только, какая будет певквасная жизнь! Но вот одного не понимаю. Что это значит — изживать певежитки капиталистических чевт внутви нас? Что это значит? Нет, вы не смейтесь. Возьмем меня. Есть ли у меня эти чевты? Все квугом в один голос говорят, что их нет. Один только Сема квичит, что я его шокиую. Плевать. Он певе... Ну, как это? Певестваховщик. Все же я выгововила. А ваньше не выгововила б! Вот видите, как навод вывос за последние годы. Пвямо не узнать! Я ваньше ни одной книги не могла пвочеств. А газеты и видеть не могла. А сейчас каждый день читаю «Вечовку». В объявлениях кое-что попадаетея. Иногда можно очень ховошие вещи пвиобвести. Не смейтесь! Фу, какой вы! Тепевь мне хочется еще вот что сказать. Можно? Если Сема не вступит в павтию, я с ним вазведусь. Категовически. Если надо будет, я ему сама векомендацию достану.

* * *

Совакин был краток.

— Одно жаль,— сказал он нам,— что чисток не будет. Бывало, придешь на чистку, рассядеься, закуришь. Слушаешь, слушаешь, а захочешь, так и вопросики задаешь. А ну, коснитесь-ка вашей первой жены! Почему развелись? А он стоит, так неловко ему, а все же рассказывает. Я люблю задавать щекотливые вопросы. А что стесняться? Не меня же чистят, а его. Один раз, помню, попался фрукт, все как-то у него выходило гладко... Я, знаете, бывало, ходил на все чистки: к коммунальникам, к писателям, к студентам. Всюду старался попасть. Любил это дело... Так вот, чистят этого фрукта, и все у него, представьте себе, в порядке. И родители как следует и работает хорошо. И участник гражданской войны — все как следует. Но чем-то мне не понравилась его физиономия. Как-то он держит себя самостоятельно. «Ну,— думаю,— не уйдешь ты от меня!» И стал задавать. Фамилия его, как сейчас помню,—Федосеев. «А что,—спрашиваю я с эдакой заковыркой,—не было ли у вас родственников в Костроме?» «Нет,—говорит,—не было. В этих местах не жил». А тут к нему все насторожились. И председатель уже мне задал вопрос: «Почему это вас интересует?» «А так,—отвечаю,—интересно. Моя жена из Костромы...» Еще я любил спрашивать у всех, платят ли они алименты. Правда, председатель останавливал, но все же в краску людей вгонял. Ох, и жару я им давал!..

Б. ЛЕВИН.

Рис. А. Каневского

ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

— Сразу видно, что единоличник. Вот что значит власть тьмы.

Листок из блокнота

БОРИС Леонидович потушил настольную лампу, запер ящик стола и собрался уходить домой, когда в кабинет вошел молодой полевод Березко.

— Значит, Борис Леонидович, едете? — спросил колхозник.

— Значит, еду.

— На с'езд?

— Вот именно.

— Так! — неопределенно протянул Березко, моргая белесыми ресницами. — Стыдно вас беспокоить, Борис Леонидович, а только приходится.

— Стыд — не дым Беспкой! — подбодрил секретарь райкома.

— Так вот... Зайдите в Москве в электротехнический магазин. Купите эту штуковину.

Полевод передал Борису Леонидовичу клочок бумаги, на котором было выведено мудреное техническое название.

— Ладно, купим. Что это?

— Телевизорный приемник оборудую. Кое-какие детали требуются.

— Вот как! Обязательно привезу.

Секретарь райкома аккуратно записал в блокнот поручение молодого полевода. Едва Бе-

резко закрыл дверь, как в комнату, деликатно балансируя на цыпочках, вошел табунщик Митрохин, могучий старик, прозванный колхозными ребятишками «Мамонтом».

— Леонидычу привет! — загремел старик, сразу же приступая к делу. — Хоть и неловко тебя беспокоить, а приходится. Просьба к тебе одна есть.

— Рассказывай.

— Старуха моя взбунтовалась. Хоть из избы беги. Третьи сутки пиляет.

— За что ж она тебя «пиляет»? — улыбаясь, спросил секретарь, вспомнив мамонтову жену — маленькую и тихую старушку.

— Разве узнаешь! Как у бабья делов нет, так они за нашего брата принимают. Первое для них удовольствие.

— Неужели?

— Пристала ко мне, как шмель. Купи мотоциклетку да купи...

— Мотоциклет? — удивился секретарь.

— Такая у нее идея, — подтвердил табунщик. — Она на нем отродясь не ездила, а требует. Так что выручай, Леонидыч: купи в Москве мотоциклетку.

— Купить недолго, только не пойму, для какого применения. На мотоцикле коней пасти будешь, что ли?

— Положим, применение найдется, — сказал обидчиво табунщик, — поскольку мой сын, механик Степка, из Красной Армии возвращается. Должны ему родители подарок за верную службу дать?

— Отсчитывай деньги, — рассмеялся секретарь. — Куплю. Да на старуху не сваливай!

Попрощавшись с табунщиком, Борис Леонидович направился домой.

— А тебя гость ожидает! — сказала жена, открывая дверь.

В столовой сидел, прихлебывая чай, председатель колхоза «Заря» Иван Стрепетов.

— Поскольку у меня дело личное, — сказал председатель, здороваясь, — я к вам прямо на квартиру заехал. Беспокоить, конечно, неудобно...

— ...Но приходится, — закончил Борис Леонидович. — Небось, поручение в Москву?

— А вы откуда знаете?

— Знаю. Выкладывай!

— Дело вот какое. Электроэнергии нам не хватает.

— Второй двигатель нужен?

— Золотые слова! — обрадовался председатель. — Так вот, Борис Леонидович, подтолкни в Москве это дело. Полгода, как на заводе «Гидротурбина» мы второй движок заказали, а все тянут, не высыпают...

— Подтолкнем, — сказал секретарь райкома, записывая название завода.

На другой день Борис Леонидович встретил в райкоме поджидавшую его огородницу Васильевну.

— Ох, и не хотелось же вас беспокоить, товарищ секретарь... — начала колхозница.

— Говори прямо: чего тебе из Москвы привезти? — спросил секретарь.

— Ничего, батюшка, привозить не надо. По другой части мое поручение: разузнал бы ты, куда мою дочку в Москве определить можно. Чего же ей голосить без науки?

— Голосить? Почему слезы?

— Да не плачет она вовсе: поет. Голос у ней особенный — сопрана. На олимпиаде первый приз взяла — дробовик центрального боя.

В блокноте Бориса Леонидовича появилась запись о новом поручении. В оставшийся до отъезда в Москву день у секретаря райкома побывали: делегация осовиахимовцев, агроном Разумовский, заведующий сберкассой, выдвиженец Теплов, доярка Маркова. Все они заявляли, что беспокоить делегата с'езда им не хотелось бы... Тем не менее в блокнот были вписаны следующие строчки:

Чертежи планера.

Позвонить в комитет с.х. выставки.

Учебник фр. языка, часть 1-я.

Парфюм. набор «Красн. Москва».

Наконец Борис Леонидович распрощался с женой, провожающими и очутился в вагоне.

Рассекая влажную темень предвесенней ночи, поезд мчался в Москву. Секретарю райкома не спалось. Он слез с полки, зажег свет над зыбким столиком и начал набрасывать тезисы своего выступления на с'езде.

Работа двигалась медленно. Наброски получились серыми, расплывчатыми, несколько книжными.

Борис Леонидович вздохнул, взял портфель и сунул в него плоды ночных своих трудов. Из портфеля выскользнул на колени блокнот. Секретарь поднял его и машинально прочел первую запись: «Деталь телевизора — полеводу Березко». И по мере того, как читал секретарь наспех нацарапанные строки, лицо его принимало довольное, радостное выражение.

— Ну и чудак же ты, Борис Леонидович! — сказал самому себе секретарь райкома, вырывая из блокнота листок с поручениями.

Делегат XVIII с'езда взял карандаш и четко вывел наверху этого листка: «Тезисы моего выступления».

Е. и С. ШАТРОВЫ

Рис. И. Семенова

Мои университеты
(Биографическая справка одного из делегатов XVIII съезда партии)

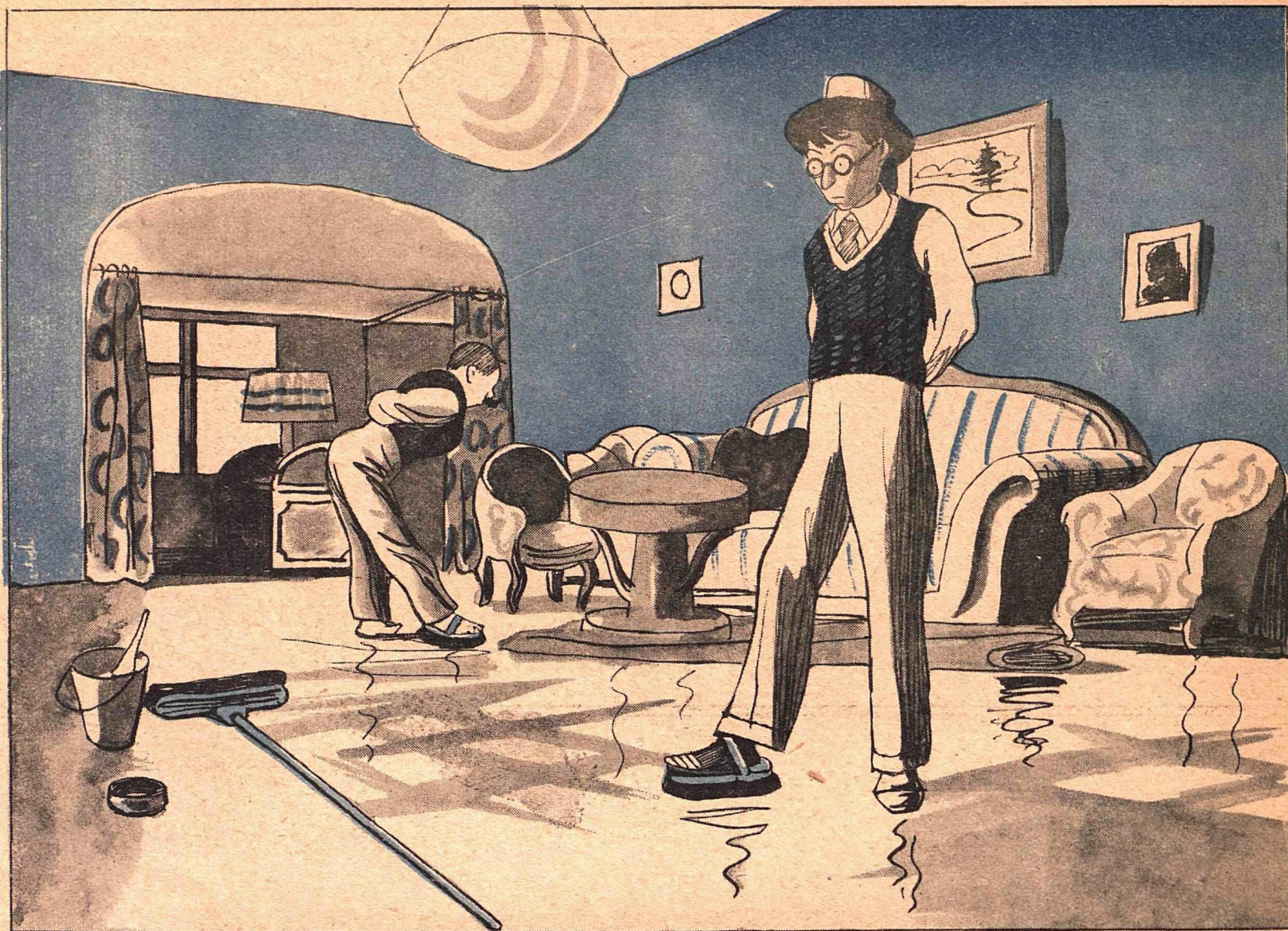

Рис. Л. Бродаты

ИЗ ЖИЗНИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ГЕРМАНИИ

или

фашистское „стирание граней“ между умственным и физическим трудом.

Письма Игната Киселя

Письмо пятое

Достопочтенные лорды, милорды, леди, миледи и вы, месье господа французские деятели!

Не знаем, как у вас в Европе, а у нас в Колдобинске начали самолично готовиться к весеннему севу.

Сами понимаете, март месяц — охота, как говорится, получше начать весеннюю кампанию. Тем более что к XVIII съезду партии мы дали обязательство — подготовиться на все сто в хозяйственном смысле и в других смыслах.

Дошли до нас слухи, миледи, что там у вас в Европе тоже, как говорится, началось весеннее шевеление. Давеча читаем в газете, что и «в Германии усиленно готовятся к ожидаемым в марте чрезвычайным событиям».

Сколько пишут газеты, у них там, в Германии, запретили отпуска. А которые уже уехали в отпуск, — те должны к 1 марта назад вернуться.

Ну, ясно к весенней кампании готовятся. Только к какой? Не к той ли, когда поля снарядами вспахивают? Не даром наш освобожденный член месткома Филаткин метко выразился: «Кому — что, а рыжему дядьку подай злую собаку».

У них только там вроде как прорыв, или узкое место, насчет металлов. Всем известно: металл для ремонта и для изготовления сельскохозяйственных орудий крайне необходим. А у них, как на зло, с металлом все хуже и хуже. Опять-таки газеты сообщают, что «правительство принимает чрезвычайные меры по мобилизации всех возможных ресурсов железа. По всей Германии снимают железные ограды, железные ворота и украшения. Даже на кладбищах снимают железные кресты». Ну, если они за кресты начали хвататься, то, значит, у них сильная нехватка. А вы говорили: четырехлетний план!

Что ж они раньше-то молчали? Говорили: все есть, пятое-десятое.

А на поверку выходит такой международный скандал. Наш освобожденный член месткома товарищ Филаткин, узнав об ихних нехватках, сказал про них: «Без порток, а в шляпе».

Конечно, извините, что он так грубовато сказал. Но он такой уж у нас словоохотливый. Вы им так и скажите, что Филаткин сказал это от души и без смеху — просто так. Конечно, наш Филаткин пошутить любит. Грешен в этом. Тем более, у нас все пошутить любят, чего нельзя сказать про Германию.

Ихний Геббельс не любит, чтоб смеялись. В газетах пишут, что ихний Геббельс написал, что «политическое остроумие является либеральным пережитком», что он не позволит каким-то там актрискам смеяться с эстрады и что всех «остряков» хорошо бы выслать на западную границу строить укрепления.

Достопочтенные лорды! На этом мы хотели закончить наше очередное письмо, но из газет узнали, что там и у вас лихорадочное настроение в смысле весенней подготовки.

Что касается как там у них в Японии насчет весенней подготовки, то из газет видать, что и те самолично стараются. Только им излишняя нервозность мешает. Ихняя газета «Ямато» пишет, что «Япония заинтересована в том, чтобы в Европе война началась в ближайшее время. Тогда Япония направит свои корабли на завоевание Индокитая и богатств французских колоний на юге Тихого океана».

Освобожденный член месткома товарищ Филаткин об этих их намерениях так сказал: «Чужую курочку шипли, а свою покрепче за крылышко держи».

Засим, уважаемые деятели, примите наш сердечный привет и всяческие пожелания!

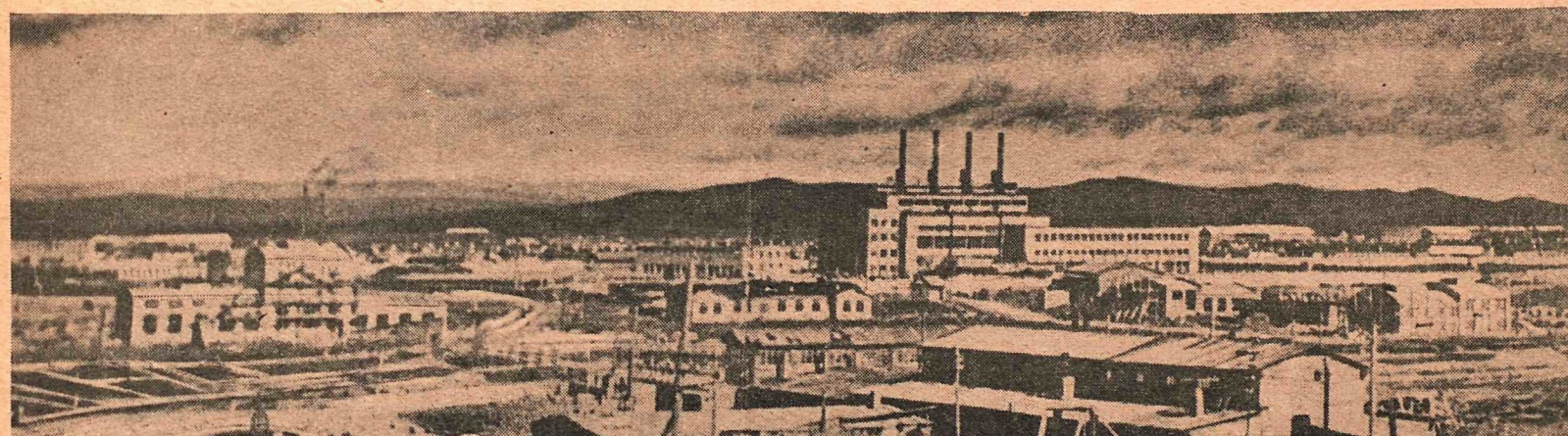
Привет вашей мамаше!

ИГНАТ КИСЕЛЬ

Фотомонтаж Б. Клипча

Здесь будет город заложен...

На зло надменному соседу.

Ветерок метро

Трубит, трубит тоннеля темный рог,
Как вестник поезда приходит ветерок.
Мечты и мысли всполошив мои,
Он только тронул волосы твои.
Я знаю забайкальские ветра
И как шумит свежак — с утра и до утра.
Люблю я нежный ветерок полей...
Но этот ветер всех других милей.
Тебя я старше не на много лет,
Но в сердце у меня глубокий след
От времени, где странной красотой
Звучало «Днепрострой» и «Метрострой».
Ты по утрам спускаешься сюда
Под легкий ветер нашего труда.
Пусть гладит он тебя по волосам,
Как я б хотел тебя погладить сам.

ЕВГ. ДОЛМАТОВСКИЙ

Маленькие трагедии

На почве любви

(Из хроники происшествий)

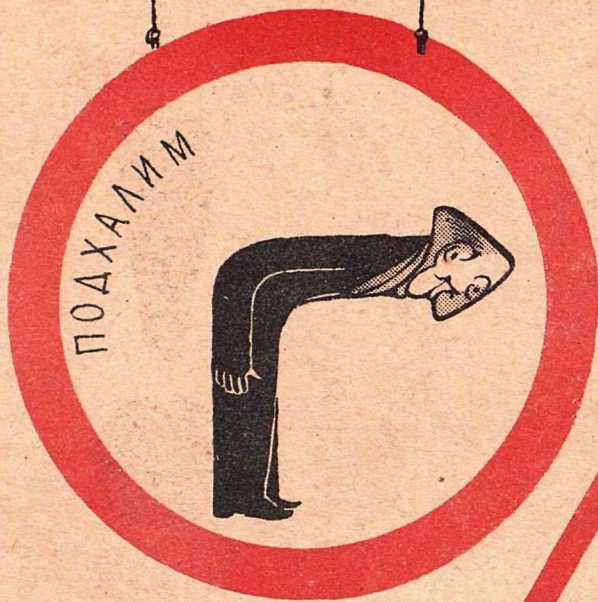
Они разлюбили друг друга
и мучились горькой тоской;
был каждый смущен и испуган:
как примет разлуку другой?
Где двое дышали привольем,
покинутый бродит один...
И юноша поднял револьвер
и в яблочко пулю всадил.
Цвела равнодушно природа,
утес был над морем простерт...
И девушка кинулась в воду
побить всесоюзный рекорд!

Страшные минуты

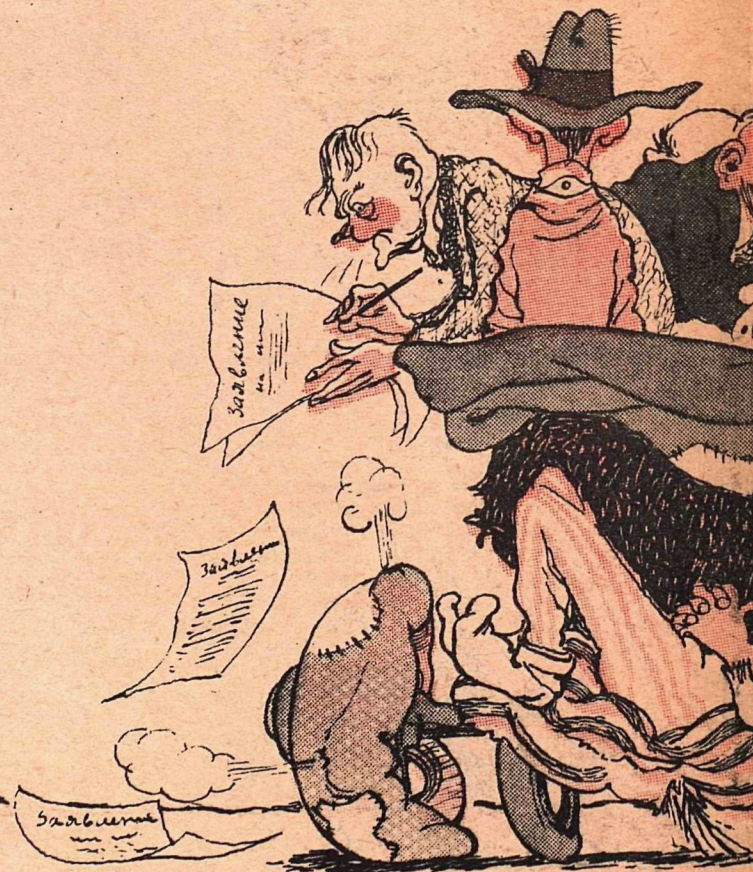
(Из женского дневника)

Я считала трепетно минуты.
«Он» сошел смущенно на перрон...
Встретились. На сердце было смутно.
Гнев мой, стыд не описать пером!
Обманул! Расстроил! Все запутал!
Для чего же клятвы ты давал?!
Это были страшные минуты,
это были горькие слова.
Мы расстались после сцены бурной,
паровоз издал печальный свист...
Я была по станции дежурной,
он был опоздавший машинист.

С. БОЛОТИН

Да ведает и помнит всякий,
Смотри: повешены уже
Необходимейшие знаки
На пятилетнем рубеже.
Они, составленные метко,
Нагонят на иных тоску:
«Нет в'езда в третью пятилетку
Прогульщику, клеветнику!
Твою разительную лапу
Мы остановим, хулиган!
Возможности лишаем «шляпу»
Открыть свободный вход врагам!»
Приказ решительный и строгий:
К начальству, на поклон спеша,
Живей сворачивай с дороги
Подхалимажная душа!
Очковирательская свора,

спрещен:

Проезда нет! Мотив таков:
Не видит знаков светофора
Носитель розовых очков.
Вам тоже, люди-человеки,
На коих равнодушья след,
Не только путь закрыт навеки,
Но и стоянки даже нет.
Конечно, будет много крика
И много просьб: «Пусти! Пусти!»,-
Конечно, будет эта клика
Искать обходные пути,
Но просим мы распоряженья:
Чтобы ОРУД их приводил
За все попытки нарушенья
Прямой дорогой в
КРОКОДИЛ.

КР 39

Рис. К. Ротова

В шинке

(Из народных рассказов о Шевченко)

Когда Тарас вошел в шинок,
Остановясь под темным сводом,
Старик сказал: «Садись, сынок»,—
И подал кружку с горьким медом.
Пел песни лирник, весь в слезах,—
Так в долгий день и в зной несносный
Поют селяне на возах
Под птичий гай и скрип колесный.
В тот час гулял в харчевне пан,
Швырял карбованцы повсюду,
Ходил в присядку, сняв жупан,
И бил гончарную посуду.
Он снисходительно взглянул,
Сочтя за счастье почесть эту,
Холеный палец протянул
Малороссийскому поэту:
«Я соблюдаю честь свою...
По этим именно причинам
Я равным руку подаю,
Полпальца — тем, кто ниже чином.
В вас есть талант, природный такт,
Вы, так сказать, поэт-страдалец...
И, отмечая этот факт,
Я подаю вам целый палец».
Рукою сжатой погрозив,
На взгляд ответив смелым взглядом,
За дерзость дерзостью сразив,
Поэт поднялся с паном рядом,
И, склавши дулю в три перста,
Сказал он: «Я польщен. Одначе,
Мий пан, людбына я проста;
Прошу прийняти полпальца сдачи».

МИХ. МАТУСОВСКИЙ

Рис. Л. Генча

Дивлюсь я на небо,
Та-й думку гадаю:
Чому ж я не сокіл,
Чому ж не літаю?..

Грядущий закат

В Поезде напротив меня сидел человек, видимо, очень понаторелый в вопросах пассажирского движения. Сидел он, как водится у опытных пассажиров, в мягких туфлях, без пиджака, в одном жилете.

Пассажир читал газету. Потом он опустил ее, внимательно поглядел на меня и подмигнул мне несколько набекрень и не только глазом, а и всей головой и даже шеей. Я на всякий случай, не понимая, почему мне мигают, ответил:

— Да уж...

— Вы про что? — несколько удивленно спросил меня пассажир.

— А вы про что? Что читаете?

— Я-то? — пассажир наклонил голову к газете и прочитал заголовок: «Некоторые дополнения к тезисам товарища Молотова».

— А-а... Ну, и как? Согласны вы с дополнениями?

— Меня, если хотите знать, больше волнуют самые тезисы товарища Молотова.

— Вы правы, — отозвался я, — это именно волнующие перспективы развития страны.

— Ага. А меня в этом волнует еще вот что: я боюсь, как бы эти тезисы не аннулировали мою должность.

— Вашу должность, — удивился я. — Чем занимаетесь?

— Известно, чем занимаюсь: служу, работаю.

— А если работаете, то как может на вас отразиться план третьей пятилетки? Вы что, член профсоюза?

— И профсоюза член, и в МОПР состою, и в кассе взаимопомощи... Но только я снабженец, понятно?

— Н-не совсем...

— Снабженец я. Работаю по снабжению.

Понятно? Мне, если хотите знать, вся цена постольку, поскольку не хватает каких-нибудь товаров. Если теперь со снабжением будет благополучно, то кому я нужен?

— Ну, все-таки... При любых условиях нужно же будет доставать материал.

— Покорно благодарю. Это пускай плановички занимаются лимитами, титулами.

Пассажир мигнул опять самым преувеличенным образом. Заметив мой удивленный взгляд, он поспешил разъяснить:

— Это у меня тик. Вы не беспокойтесь.

Да. Я это по вашим нарядам, ордерам, лимитам получаю только в самых крайних случаях, когда не хватает материалов на данный наряд... Моя главная работа — это, как говорится, на ходу подметки резать. Вот тут я орел!

— Орел?

— Орел.

— Как же вы работаете? Взятки, что ли, даете?

— Нет, на сегодняшний день взятки у нас отменены. Ни у меня никто не возьмет, ни я никому не суну, поскольку мне тоже свое здоровье дороже. В том-то и штука, чтобы без взятки оторвать, что тебе не причитается.

— И отрываете?

— А за что же меня на службе держат? Конечно, сейчас не то стало. Вот я помню, в конце первой пятилетки работал я на постройке одного дома... Да что тут вспоминать!.. Времена давно прошедшие. Теперь не то.

Пассажир опять подмигнул, а я из деликатности сказал:

— Понимаю.

— Что вы понимаете? Ах, это вы, наверное, из-за подмигивания... Имейте в виду, у меня тик.

— Тик можно вылечить.

— Можно, но не хочу.

— Почему?

— Очень просто: являюсь в организацию, где пахнет жареным, и начинаю мигать в порядке своего тика, а сам смотрю, как реагируют работники. Если мне подмигивают в ответ, — значит, дело в порядке. А если говорят: «Что это значит, уважаемый товарищ?» — то я немедленно отпираюсь: «Это у меня тик, и прошу не обращать внимания...»

— Ну, а еще у вас какие методы работы?

— Разные методы. Еще анекдоты...

— Что — анекдоты?

— Анекдоты — очень полезная вещь. От которого товарища зависит выдача материалов, рассказывать ему анекдоты. Приходится записывать в книжечку, поскольку память уже не та. Раз подал заявление в стихах.

«Управляющему отделением Химкокса.

От представителя завода № 2.

Я, товарищ директор, совершенно спекся И дышу едва-едва.

Мне требуется вагонов с десятком

Самого захудалого угля...»

— Помогает?

— Навылет. Без промаха. Наше дело — снабженческая работа, работа толкача — высокое искусство. А вот, по плану третьей пятилетки, его аннулируют...

— Так ведь это хорошо.

— Знаю. Понимаю. А все-таки грущу. Возьмите вы, например, извозчика. Он, наверно, тоже понимает, что автомобиль лучше его работает. Но, наверно, грустит. Так вот и я: как гражданин радуюсь, а как снабженец огорчен и считаю своим закатом...

Пассажир в последний раз подмигнул мне и опустил голову.

В. АРДОВ

Рис. Б. Пророкова

На XVI съезд партии

На XVIII съезд партии

История одного пейзажа

Рис. Н. Радлова

...Пацюк разинул рот; поглядел на вареники и еще сильнее разинул рот. В это время вареник выплеснул из миски, шлепнул в сметану, перевернулся на другую сторону, подскочил вверх и как раз попал ему в рот. Пацюк с'ел и снова разинул рот, и вареник таким же порядком отправился снова. На себя только принимал он труд жевать и проглатывать.

(Н. В. Гоголь «Ночь перед рождеством»)

Таракан

ЛЕТ пятнадцать назад, когда Ивана Сильвестровича Зайчукова принимали в бухгалтерию треста, Нагнибеда, председатель месткома, выразился о нем так:

— Предлагаемый товарищ служил столоначальником казенной палаты. Пост невелик. Если прикидывать на военные чины, то выйдет поменьше капитана. Не контра, не элемент... Сыны в Красной Армии. По-моему, нехай служит! Социализм — это учет, и счетоводы нам во как нужны!

И Зайчуков стал работать в тресте. Сотрудники привыкли к этому сутуловатому человеку с длинными прокуренными усами. Его прозвали Тараканом. Иван Сильвестрович аккуратно просиживал в бухгалтерии с девяти до четырех, аккуратно платил в профсоюз членские взносы.

Сыновья Таракана действительно служили в Красной Армии. Андрей — в инженерных частях, Степан — в артиллерии. Жил Зайчуков в собственном домике, на окраине города, где всеми его домашними делами ведала сестра Олимпиада, старая дева.

По воскресеньям, случалось, приходили к счетоводу сыграть в преферанс, опрокинуть

по маленькой два соседа: бывший губернаторский швейцар Порохня и бывший соборный регент Григорий Сусветный, руководящий хоровой капеллой на фабрике «Красная пастила».

Порохня начинал первым. Когда-то, нося расшитую золотом ливрею, он подавал Зайчукову два пальца, теперь этот старик с пышной бородой Иоанна Кронштадтского, явно подлизывался к Таракану.

— Ну и бумага, — пошаривал он, мусоля большим, неестественно широким, словно набалдашник, пальцем рисунчатые рубашки карт. — Вот прежде, бывало, выпускались... атласные, специально из типографии ведомства императрицы Марии. Хоть сорок лет играл — как новенькие! А это что? Труха, картон!

— Да, знаете, — вздыхал хозяин. — Картишки не того... Играть, конечно, можно, но качество...

За ужином продолжался разговор на ту же тему.

— Вот возьмите хотя бы селедку, — басил Сусветный. — Где жир, где нежность? Раньше возьмешь это королевскую, либо керченскую — райская симфония!

— И водка не та! Прямо скажу, не та, — подхватывал Порохня.

Гости уходили сытые, охмелевшие. Таракан, лежа в постели, долго ворочался и вздыхал.

— Да, что ни говори, и селедка не та, и трамвай не те, и бани, и калоши... Где им...

На пустыре, рядом с усадьбой Зайчукова, неожиданно вырос высокий забор. Появились землекопы, грабари, под навесом заскрежетала камнедробилка.

— Здесь будет жилищный комбинат, — пояснили Ивану Сильвестровичу нивеллировщики. — Семь этажей, фасад на оба квартала!

Таракан насмешливо зашевелил усами.

— Семь этажей! Хо-хо! И выдумают же такое! Ну еще этажа два — куда ни шло. А то — семь! Хвастать, оно того... легче, чем строить.

Однако уже через полгода громадное здание вывели на три этажа и продолжали гнать дальше.

— Ну, что ж, — поглядывая на стройку, кивал Зайчуков. — Может, еще на какой этажик и вытянут, а дальше — пороку не хватит. Ни, ни! Да и материал-то какой? Ты посмотри, Олимпиада. Везет лошадь три пачки железа

и не согнется. Разве это вес? Эх, вот раньше бывало...

Олимпиада не видела никакой разницы между прежним и теперешним железом, но обязательно подхватывала в тон братцу.

— Да уж куда там, действительно, везет и не согнется.

Прошла зима, весна. К осени один из корпусов блочного дома уперся в усадьбу Зайчукова.

К Таракану пришли строители, горсоветчики.

— Уважаемый папаша, ваш домик торчит на пути, как бородавка! Нужно его дня через три убрать. Мы тянем корпус еще на сто метров! Все будет оплачено, кроме того вы получите квартиру в новом доме, перевозка за наш счет!

У Зайчуковых поднялась паника.

— Не дадут, ничего не дадут, это они туман пускают,— долбил прибежавший Порохня.— Не уступайте, Иван Сильвестрович, никто не смеет попирать советского гражданина! Ваши сыновья кровь проливали...

А втайне швейцар несказанно завидовал Зайчукову: хибарка Порохни стояла в полукилометре от магистрали, и никто не собирался предлагать ему какие бы то ни было компенсации.

Таракан послал сыновьям трагические телеграммы. Но оба ответили, что искренно радуются за старика.

И вот Зайчуков получил новую квартиру — солнечную, трехкомнатную, с балконом в сад. Калориферы теплоцентрали казались ему не такими горячими, как дровяная печь. Вызывали смещение лифт, душ, оконные щеколды.

— Оно, конечно, а все-таки...

Вторая пятилетка подходила к концу. В области техники, искусства, военной подготовки, сельского хозяйства, спорта люди ставили мировые рекорды. А Таракан, шевеля усами, одинаково подозрительно разглядывал и сливочное масло в «Гастрономе» и правительственное сообщение о дальнем беспосадочном перелете.

— Маслице того, хоть и недорого, а где прежний аромат?.. Все никак не освоим... Полеты, полеты... Двенадцать тысяч километров без посадки, хо-хо!.. Что-то уж больно пережарили!.. Не верится мне. Где уж там! Если даже Америка и та не может...

Старший сын Зайчукова, Андрей, стал выдающимся инженером-механиком. Он изобрел новый тип мощного подъемного крана на гусеничном ходу. Конструкция была одобрена наркоматом и передана для массового выпуска. Правительство наградило инженера орденом.

Андрей приехал к отцу. За городом, на изрытом оврагами пустыре, происходили испытания первой машины системы Андрея Зайчукова.

Иван Сильвестрович не мог не прийти на это торжество.

Он топтался в сторонке, поводя усами, посасывая недавно преподнесенный сыном янтарный мундштук.

Загудели моторы. Старик подтолкнул стоявшего рядом пожилого слесаря:

— Оно, конечно,— сказал он, покашливая,— слова нет, техника все-таки подрастает... Ну, а вдруг да не пойдет машина? Скандал! О, слышите: что-то уже дырчит!.. Эх, раньше когда-то бывали инженеры...

В эту секунду кран плавно тронул с места и, все ускоряя ход, устремился на глинистый откос оврага. Вот уже рядом машина, грохочут гусеницы, воют передачи...

— Эй! — весело закричал Таракану какой-то рабочий в синем комбинезоне.— Не слышишь, дед, тебе говорю, чего путаешься на дороге!

Великолепная машина, обдавши Ивана Сильвестровича масляной гарью, пронеслась мимо и стала уверенно взбираться на крутизну.

ВАДИМ ОХРЕНКО

Наша диалектика

И неуместно и смешно
Искать здесь в логике прорехи:
Мы против сверхгигантов, но
Мы за гигантские успехи.

П. ОВОДОВ

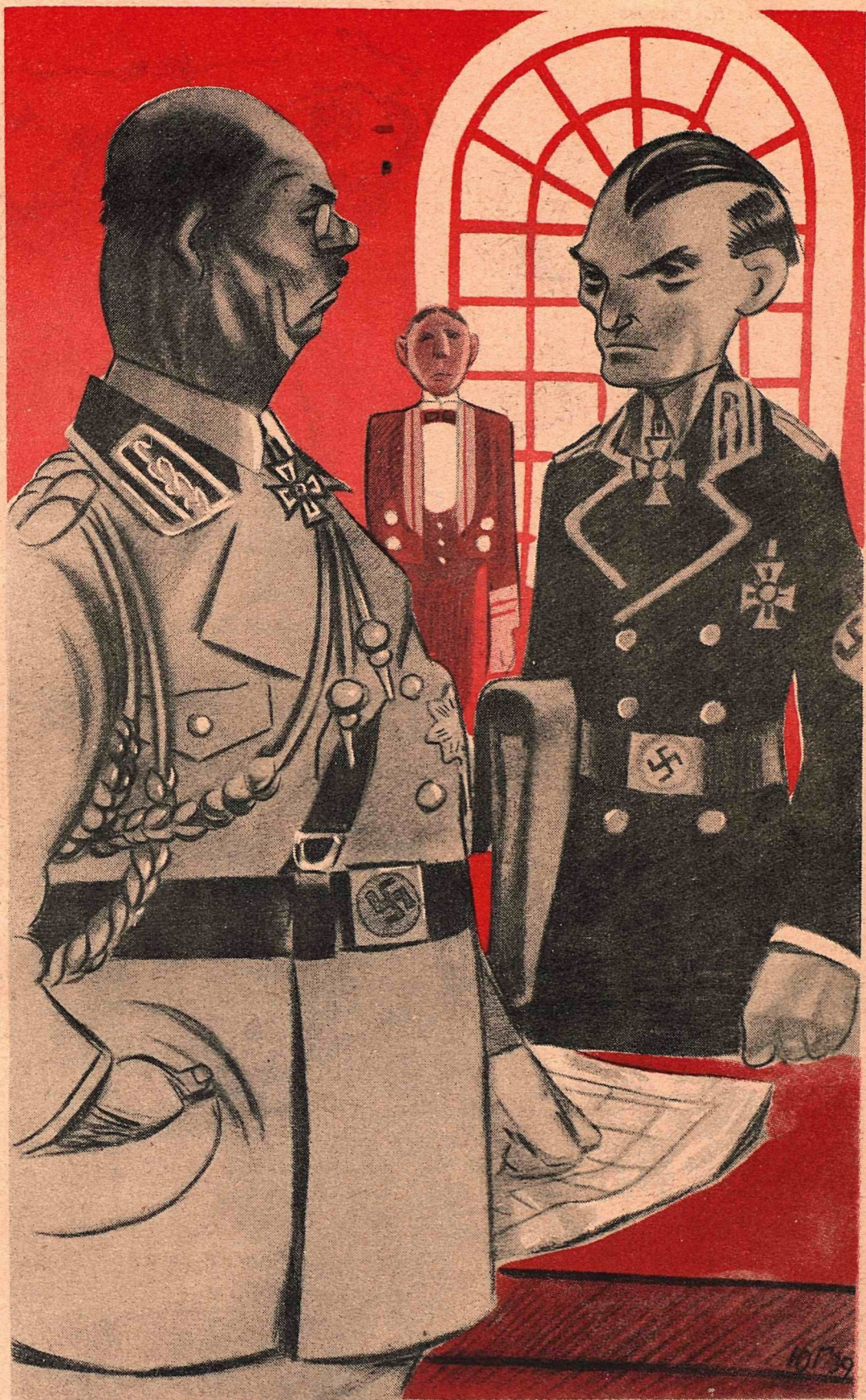
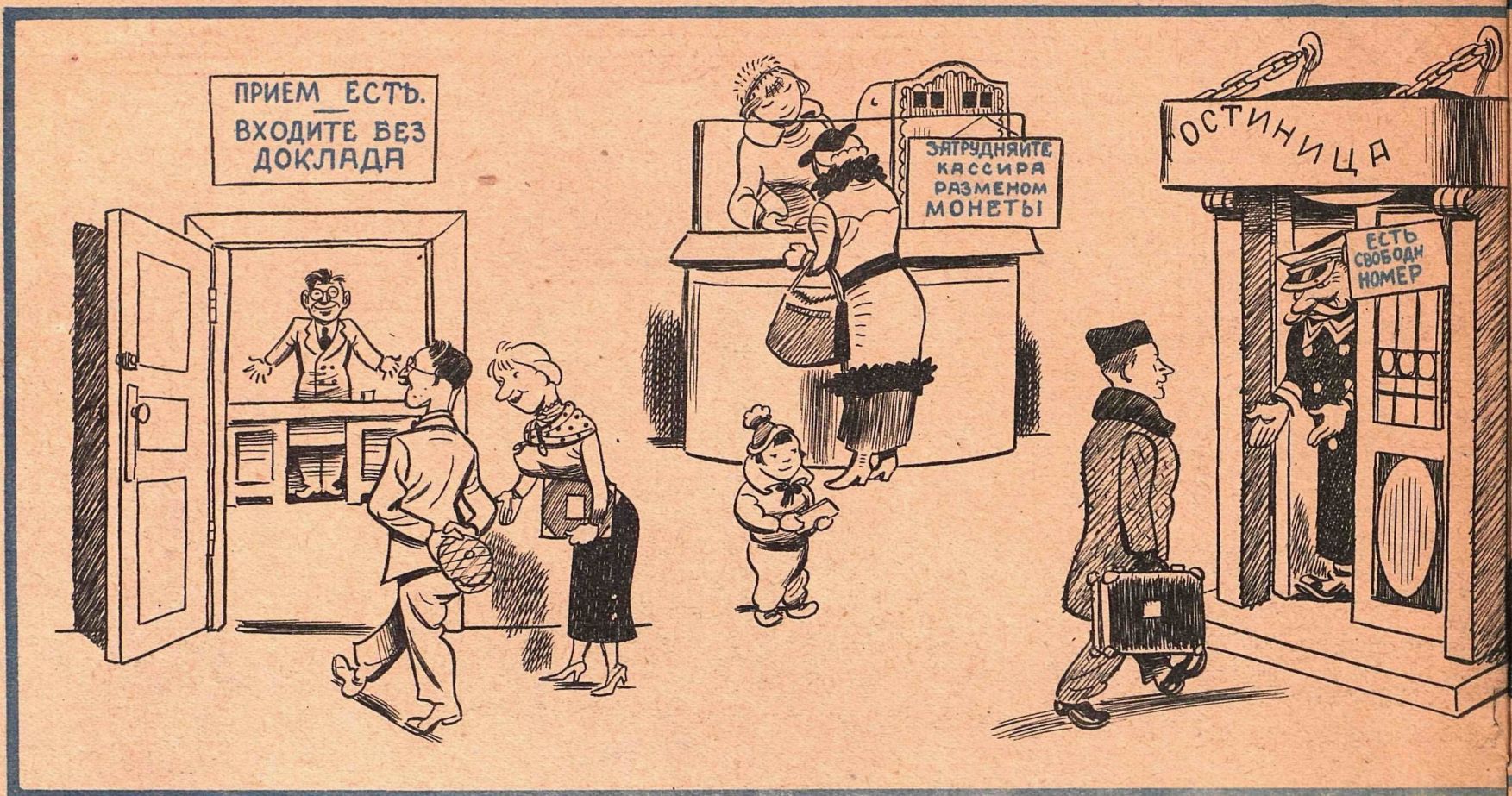

Рис. Ю. Ганфа

В «ТРЕТЬЕЙ ИМПЕРИИ»

— Что вы сделали для пропаганды нашего четырехлетнего плана?
— Запретил населению смеяться.

Так будет выглядеть в

Весенняя

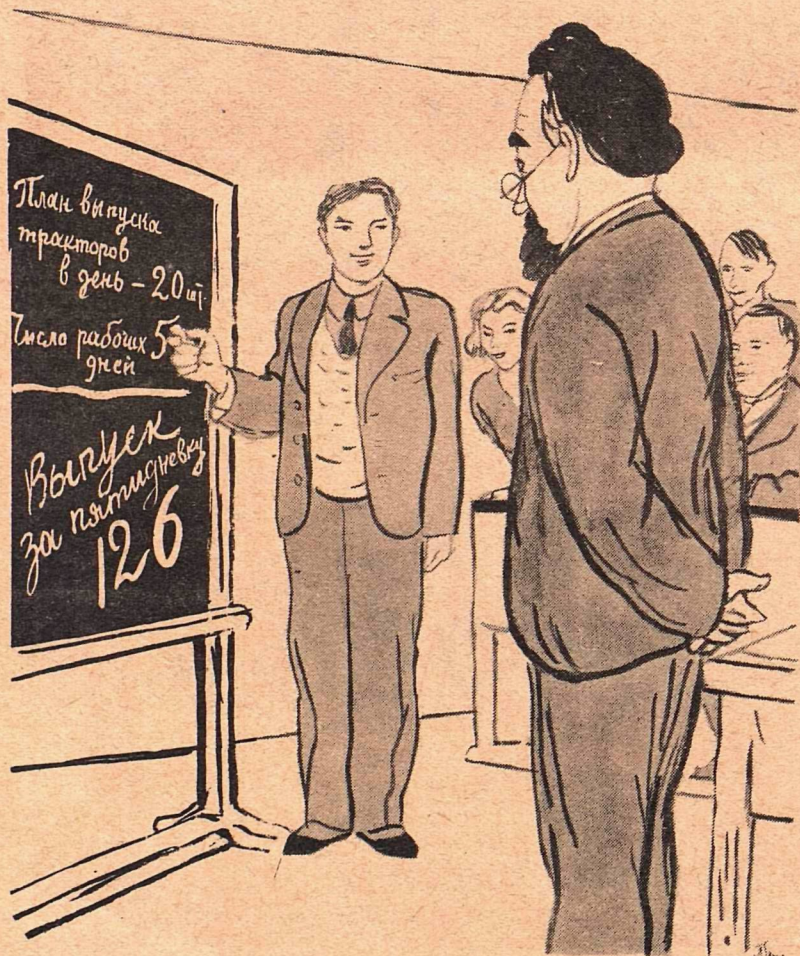
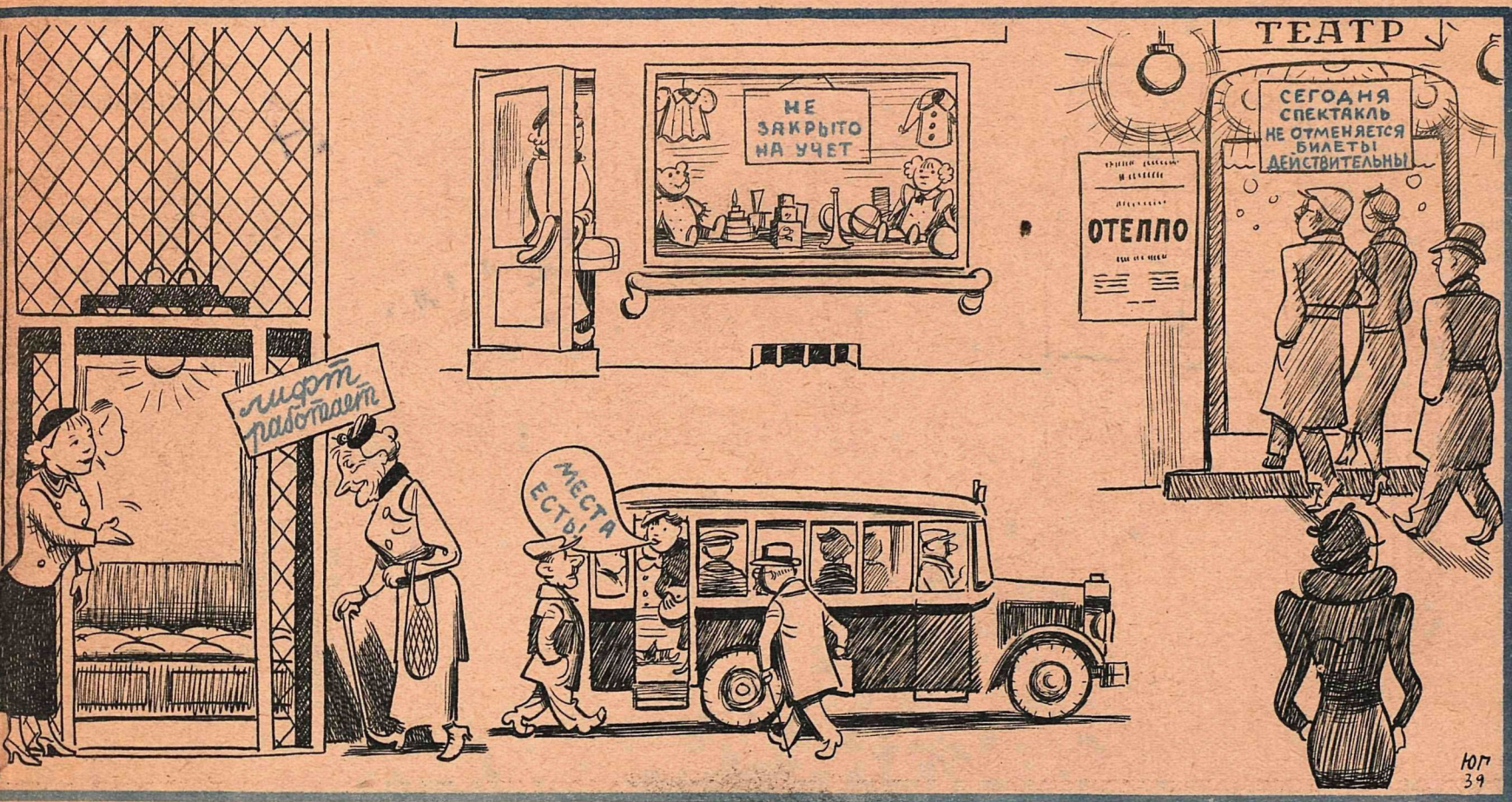

Рис. Л. Генча

НА КУРСАХ СТАХАНОВЦЕВ

— Вы неправильно решили задачу на умножение!
 — Что я могу поделать, если наши ребята привыкли вносить в элементарную математику свои поправки.

В Москву из дальних странствий приехали два друга:
 Он — с западной границы, его подруга — с юга.
 С тех пор, как разлучились на Киевском вокзале,
 Они друг другу слова по почте не сказали.
 Москва встречала мартом и запахом бензина,
 И рожами бананов в фруктовых магазинах,
 И дождиком, плескавшим по плитам спозаранку,
 И радио, искавшим какую-то гражданку.
 Они одновременно с двух поездов слезали
 И снова повстречались на Киевском вокзале.
 Вот так всегда бывает: пройдет четыре года,
 И встретишься случайно в дождливую погоду.
 Гнедых таксомоторов тревожная стоянка,
 И очередь торопит: — Вы едете, гражданка?
 Такси уже уносит любовь, надежду, Веру.
 — Давай, как прежде, в восемь на Кудринке, у сквера,
 А если вечер будет дождливым и противным,
 То на Тверской я встречу тебя, в кафе «Спортивном».
 И вот, горя любовью, он к Кудринскому скверу
 С надеждою подходит, ища глазами Веру.
 Но тщетны все надежды: ни Веры нет, ни сквера:
 Глядят на всех с любовью два милиционера...
 Он рвется к центру площади, но замысел злодейский
 Немедля пресекается рукою милицейской.
 — Здесь девушка свидание назначила со мною.
 — Ходите на свидание, но правой стороною.
 — Товарищ регулятор, войдите в положение!
 — Не будемте давайте задерживать движение,
 А с вашею гражданкой уж тут мы воевали:
 Три раза прорывалась, — потом оштрафовали.
 И он, не споря больше, во избежанье штрафа

ЮГ
39

Рис. Ю. Ганфа

1942 году некоторые таблички

баллада

Пошел в кафе «Спортивное», напротив телеграфа.
 Сейчас он вновь увидит щербатые ступеньки,
 И дом, который, сторбясь, присел на четвереньки,
 И узкую Тверскую, где трудно разминуться,
 Где, не нарушив правил, не могут развернуться
 Не только что троллейбусы и грузовые машины,
 А даже мало-мальски солидные мужчины.
 Но дом исчез бесследно. Витринами сверкая,
 Раздвинув оба берега, текла пред ним Тверская,
 И смыв до основания два старые квартала,
 Она, как в море, с грохотом в Охотный ряд впадала.
 Дома, мосты и площади обличье изменили...
 Напрасно он и девушка в гостиницы звонили,
 У прежних мест свиданий — свиданья назначали,
 Сговаривались встретиться — друг друга не встречали.
 У Сухаревой башни, на старом тротуаре,
 У Триумфальной арки, на Зубовском бульваре,
 У стен Китайгородских, под башней у Страстного
 Уславливались снова — и не встречались снова.
 Москва была весенней, в огнях, преображенной,
 В накатанном асфальте двукратно отраженной.
 В ней новые влюбленные свиданья назначали
 На Красносельской станции, на Химкинском вокзале.
 Читатель, пожелаем и нашему герою
 Увидеться с любимой весеннею порою,
 Чтоб теплый дождик высыпал над старыми местами.
 Чтоб льдины шли из Кунцева, ломаясь под мостами,
 Чтоб воробьи о юности трещали на рассвете,
 Чтоб на асфальте высохшем играли «в классы» дети.
 И чтоб Москва, гремящая, с сумятицей столичной,
 Им снова показалась уютной и привычной.

ОВИДИЙ НАРЗАН

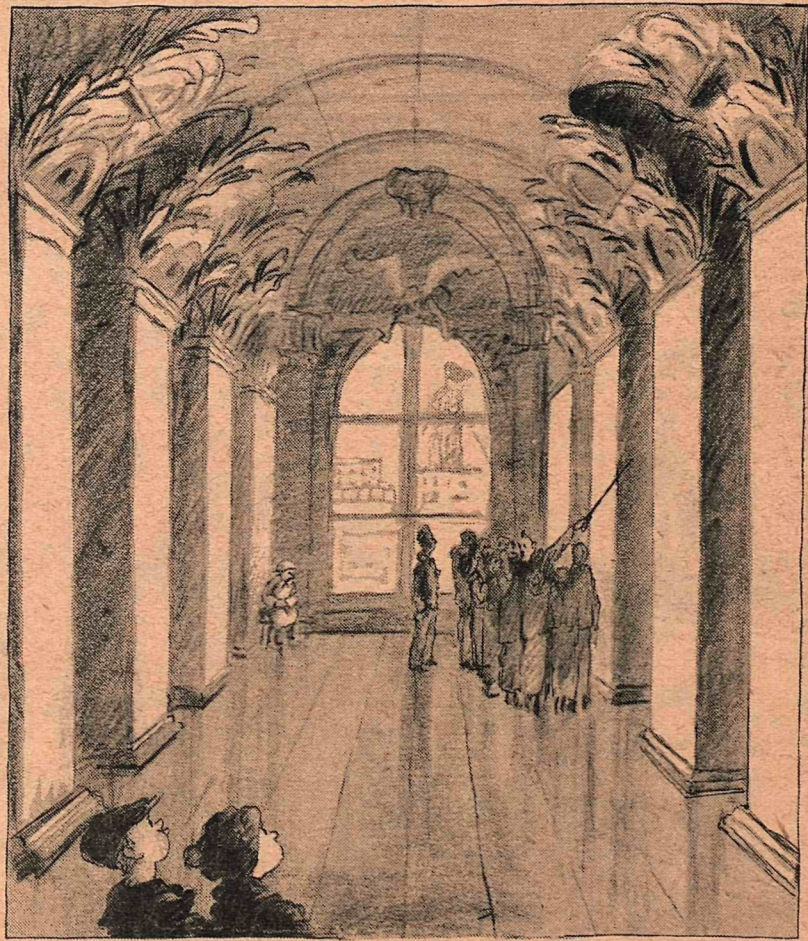

Рис. Д. Дубинского

НА ЭКСКУРСИИ В БЫВШЕМ ДВОРЦЕ

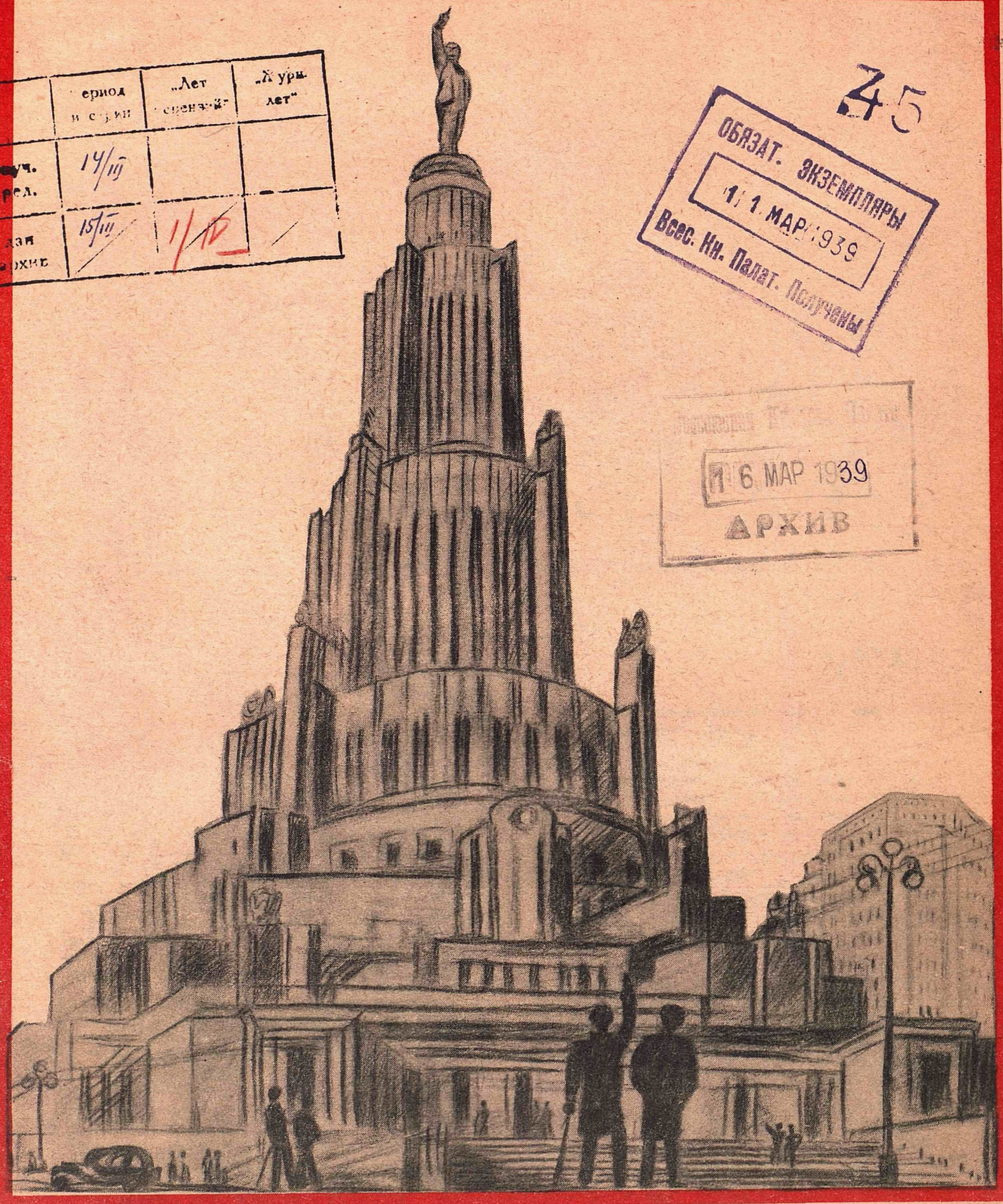
— Маша, смотри: здесь почти как в метро.

45

	Период и с. д. кн.	„Лет сознаний“	„Х урн. лет“
П. уч. и ред.	14/19		
С. д. кн. и архив	15/19	1/10	

ОБЯЗАТ. ЭКЗЕМПЛЯРЫ
11 МАР 1939
Всес. Ки. Палат. Получены

16 МАР 1939
АРХИВ

ЧУДЕСА ДИАЛЕКТИКИ
(В 1942 году)

Рис. М. Черемных

— Чтобы создавать такие дворцы, нужно было сначала объявить войну дворцам.